

ПРОЗА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА В 1950-1970 ГГ.: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СТИЛЕВЫХ ОТКРЫТИЙ ГОРЬКОГО

Челюканова О.Н.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Арзамасский филиал, Арзамас, Россия (607220, г. Арзамас, ул. К. Маркса, 36), e-mail: olga_ribakova@fromru.com

В статье Челюканова О.Н. прослеживает процесс переосмысления стилевых открытий А.М. Горького в прозе для детей и юношества в 1950-1970 гг., в частности в повести В. Крапивина «Я иду встречать брата». Горьковская концепция Человека, беспредельных возможностей его разума, величия и непобедимости духа оказалась плодотворной и привлекательной и для писательской молодежи второй половины XX века, она нашла свое развитие и углубление и в детской прозе 1960–70-х годов. Аллюзии к ранним романтическим произведениям Горького в повести Крапивина формируют диалог с советским классиком на идейно-художественном уровне. Автор статьи убедительно доказывает, что Крапивин широко использует философско-мировоззренческие установки Горького, не дублируя их, а создавая при этом свою собственную, отчасти полемичную по отношению к прототипу, идейно-философскую концепцию.

Ключевые слова: литературная традиция, аллюзия, легенда, аллегория, сказка, фантастика, мифологизм, романтизм, реализм.

PROSE FOR CHILDREN AND YOUTH IN 1950-1970: RECONSIDERATION OF STYLE DISCOVERIES OF GORKY

Chelyukanova O.N.

Arzamas branch of the Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, Arzamas, Russia (607220, Arzamas, Karl Marx Str., 36), e-mail: olga_ribakova@fromru.com

In Chelyukanov O. N. article traces process of reconsideration of style opening of A.M. Gorky in prose for children and youth in 1950-1970, in particular, "I go to V. Krapivin's stories to meet the brother". The Gorky concept of the Person, boundless opportunities of his reason, greatness and invincibility of spirit was fruitful and attractive and for literary youth of the second half of the XX century, it found the development and deepening and in children's prose 1960 – the 70th years. Hints to early romantic works of Gorky in Krapivin's story form dialogue with the Soviet classic at the ideological and art level. The author of article convincingly proves that Krapivin widely uses philosophical and world outlook installations of Gorky, without duplicating them, and creating thus own, partly polemical in relation to a prototype, the ideological and philosophical concept.

Keywords: literary tradition, hint, legend, allegory, fairy tale, mifologizm, romanticism, fantasy, realism.

В послевоенной литературе для детей и юношества и несколько позже – в 1950-х годах начинают формироваться и оттачиваться новые культурно-исторические, эстетические доминанты, демонстрирующие такое развитие и становление личности молодого человека, которое соответствовало новым запросам времени. Речь идет именно о доминантных тенденциях, а не о смене образовательной и воспитательной парадигмы. Однако в это время в литературе и искусстве появилась возможность опереться на традиции русской дореволюционной классики, на уже сформировавшийся к началу 1940-х гг. опыт А.П. Гайдара, А.М. Волкова в области претворения вечных идей и вечных образов в художественной словесности, отвечающей духу и букве времени. К 1960-1970-м годам уже был написан такой корпус произведений для детей и подростков, в котором критики усматривали свежий взгляд на действительность, объективность воспроизведения жизни со всеми ее противоречиями и проблемами. За короткое время появилось множество замечательных, по преимуществу новаторских произведений, затрагивающих многие темы, важные для социально-психологического и нравственно-эстетического становления юношества. Перед литературой, в том числе и детской, стояла задача дать развернутую картину внутренней жизни героев,

найти пути адекватного художественного воплощения идеалов, раскрыть идею подлинно гармонического развития личности. Одной из животрепещущих в детской литературе становится вечная проблема Человека, которая веками определяла содержание всей русской литературы и свое воплощение нашла в творчестве А.М. Горького, художественный авторитет которого был не просто высок, но для молодежи, с которой он столько «возился» в 1920-1930-х гг., непререкаем.

В ранних романтических произведениях Горького, в его пьесах, повестях, публицистике заключено множество острых проблем, во многом сохранивших свою актуальность сегодня. Ответы на эти вопросы не даны автором впрямую. Они зашифрованы в сюжетных коллизиях, в символике имен, в диалоге писателя с философскими идеями, господствующими в начале XX века. Свои мысли о Человеке и его назначении Горький развил в романтико-философском этюде – поэме «Человек» (1903) – произведении остро полемическом. Писатель вдохновенно прославляет человека-творца, покорителя тайн земли и неба.

Горьковская концепция Человека, беспредельных возможностей его разума, величия и непобедимости духа оказалась плодотворной и привлекательной и для писательской молодежи второй половины XX века, она нашла свое развитие и углубление и в детской прозе 1960–70-х годов.

Как известно, ранние произведения Горького (в частности, «Старуха Изергиль») содержали скрытую полемику с философией крайнего индивидуализма, наиболее характерным и модным представителем которой был Ф. Ницше. Образ этого немецкого философа приобрел популярность в 1960-е годы XX века в советской России благодаря интерпретации его идей А.М. Горьким и его полемике с ними. Этот факт следует оговорить, в связи с тем, что имя и труды Ф. Ницше, например, были запрещены в послевоенной Германии, поскольку он был повинен в том, что Германия к концу 1930-х гг. развивалась в фашистской идеологии, основой которой Гитлер называл идеи философа. В СССР же благодаря горьковской жанровой традиции, интерпретирующей Ницше, со второй половины 50-х годов развивается проза, подхватившая традицию сказки Серебряного века. Детские писатели 1960–1970-х годов, продолжая традиции А.М. Горького в поисках нравственных основ Человека, открыли широкие возможности фантастики и фантазии в постижении сущностных, онтологических закономерностей. Созданные ими ирреальные, сверхъестественные миры оказались идеальным пространством, в котором юные герои решают для себя субстанциональные проблемы, веками волновавшие человечество.

Влияние ранних романтических идей Горького ярко проявляется, например, в повести В. Крапивина «Я иду встречать брата» (1962). В художественном мастерстве обоих писателей нашло выражение их восприятие человека как носителя высоких духовных качеств. Аллюзии к ранним романтическим произведениям Горького в повести Крапивина формируют диалог с советским классиком на идейно-художественном уровне.

Герои романтических произведений Горького тесно связаны с жизнью, идеи и образы вырастают из самой действительности, в легендах и аллегориях решаются насущные общественные и эстетические проблемы. Это проявляется уже в форме произведений: романтические легенды и аллегории являются художественной иллюстрацией к мыслям, высказываниям персонажей – собеседников автора-повествователя. Легенда заключена в своеобразные реалистические рамки или сопровождается реалистическим комментарием.

В повести Крапивина мы обнаруживаем черты сказки на уровне памяти жанра [1]. Это и двоемирие, и мотив дороги. Подобно сказочному герою, крапивинский Снег оказывается перед выбором пути. Оказывается в ситуации, схожей со сказочной ситуацией инициации, но в отличие от сказочного сюжета, который несет позитивный исход, герой Крапивина погибает.

Мифологизм повести Крапивина проявляется в нарушении причинно-следственных связей, в причудливом совмещении разных времен и пространств; в развитии мотивов двойничества и оборотничества персонажей и событий (таким образом автор пытается обнаружить до – или сверхлогическую основу бытия); в использовании традиционных для человеческого и природного бытия образов-символов: дорога, детство, старость, любовь, смерть; в использовании элементов мифологического мирозерцания. Мифологема окна – одна из наиболее значимых в повести. В контексте онтологической проблематики произведения она обретает особую внутреннюю форму и актуализируется в образе-символе значка.

Открывший новую планету, но разбившийся на гидролете астронавт Валентин Янтарь как эстафету подвига передает Александру Снегу значок с синими звездами и надписью «Поиск». При этом он просит Александра разбить окно. Ворвавшийся в комнату солнечный свет и зеленая ветка за окном символизируют и бессмертие подвига, и идею преемственности. В частности, этими образами актуализирована связь мифологемы окна с категориями памяти, бессмертия. Кроме того, окно предстает и как граница, и как связь между внутренним (здесь) и внешним (там) миром. В контексте повести «здесь» – это пространство земли, а «там» – космическое. Так образ окна вырастает в категорию космической онтологии Крапивина.

В свою очередь образ значка как иноформа окна лейтмотивом проходит через все произведение, символизируя преемственность поколений и вечное стремление человека к подвигу, к духовному горению.

Идейно-художественное родство произведений Горького и Крапивина сказалось не только на уровне их идейного содержания, но и в художественном раскрытии этого содержания.

Одним из отличительных признаков романтических рассказов Горького является то, что действие в них происходит среди многокрасочной и величественной природы. В

реалистической повести Крапивина символичность, условность пейзажей выступает на первый план. В них есть и некоторая декоративность, определенная общей стилистикой произведения.

Подобно Горькому, Крапивин создает фантастическую возвышенную атмосферу появления романтического героя на фоне почти сказочной природы: «Кто бывал в Консате, должен помнить узкую и крутую лестницу, вырезанную в береговых скалах. Лестница начинается с площадки с колоннадой и ведет к морю. Внизу ее отделяет от воды только узкая полоска земли. Покрытая ноздреватыми камнями и круглым галечником, она тянется между морем и желтовато-белыми скалами от Долины Юга до самой Северной Косы, где наклонной иглой пронзает небо обелиск – памятник погибшим астронавтам» [5, с. 5].

Человек в рассказах раннего Горького ярок и живописен. Он раскрывается на фоне природы, которая как бы дополняет характеристику. Пейзаж выполняет активную функцию в крапивинском повествовании, являясь одним из главных его элементов. Близость романтических героев Крапивина к природе дает простор для раскрытия возвышенных устремлений. С созерцанием могучей природы, романтизированных пейзажей – моря, гор, степей – связаны мечты героев о безграничных возможностях человека (у Горького – о безграничной духовной свободе, у Крапивина – о безграничности пространства, о покорении новых земель, иных пространств – форпостов человечества в космосе). Так, мотив границы-окна соотносится с мотивом безграничности. «Людам нужны такие планеты – форпосты человечества в бескрайней вселенной, трамплины для новых, все более дальних прыжков» [5, с. 20]. Именно эта фраза, прорифмовывающая текст повести Крапивина, делает произведение поистине поэтическим, лирическим.

Если Горький вкладывает в свои пейзажи осознанное отношение персонажей, то Крапивин не комментирует свою позицию, не выражает рационально свою точку зрения, ее позиционирует эмоциональный выбор героя. Безжизненные ледяные пейзажи хороши для холста, а человечество нуждается в иной красоте. Живописными романтическими пейзажными зарисовками писатель подготавливает читателя к восприятию сложной философской проблемы, мастерски завуалированной интригой фантастически-детективного повествования, столь привлекательной для юного читателя.

Снегу, как художнику, присуще романтическое мировидение. Экзотические пейзажи далеких планет становятся пространством для размышлений о рациональном и эмоциональном. Известный спор «физиков» и «лириков» знаменует собой общекультурную тенденцию 60-х годов. Она так или иначе прослеживается во многих произведениях детской прозы.

Любовь Горького к природе, большое место, отводимое пейзажным зарисовкам в его произведениях, объясняется не только стремлением к прекрасному. Наряду с эстетическими идеями в рассказах классика значимы также мысли о покорении человеком природы, о победе над ее злыми силами. Герой Крапивина Снег двояко относится к природе: как астронавт-первооткрыватель он призван покорять природу, а как

художник он стремится к ее созерцанию, эстетическому восприятию, творческому преобразению в искусстве. Сознание принимает идею освоения и сопряженного с ним природного переустройства планеты, а душа художника противится человеческому вмешательству в ледяную первозданную красоту, внедрению климатических преобразований, пусть даже жизненно важных для Человечества. Неразрешимость внутреннего конфликта приводит к гибели героя, в контексте повести обретающей символический смысл.

Подвиг Снега несет многослойную смысловую нагрузку: это и подвиг во имя людей, и символ неразрешимости конфликта художника и естествоиспытателя. Величие подвига героя еще и в том, что он жертвует не только жизнью, но и своими идеалами художника и личным счастьем – любовью, от которой он отказался, отправляясь в межпланетное путешествие. Подобно тому, как горьковский Данко, освещая дорогу огнем своего сердца, как «факелом великой любви к людям», ввел свой народ в «море солнечного света и чистого воздуха», на «свободную землю» [3, с. 105], Александр Снег пожертвовал своей жизнью ради блага человечества. В художественную ткань повести не случайно вплетены стихи, несущие аллюзию на образ Данко:

«Тот, кто будет по нашим следам идти,
Помнит пусть на тропинках кривых:
Нам не надо ни славы, ни памяти,
Если звезды зажжем для живых» [5, с. 68].

Человек Крапивина, как и герои Горького – творец. Зажигая солнца и тем самым оживляя безжизненную планету, астронавты ощущают себя творцами, богами, создающими весну. Библейский мотив акцентирует внимание на вопросах нравственных, о праве человека вторгаться в сферу миростроения, отождествляя себя с высшими силами.

Крапивин затрагивает вопрос, который в свое время горячо волновал Горького и современную ему философию. В интервью по поводу пьесы «На дне» в 1903 г. Горький говорил: «Основной вопрос, который я хотел поставить, это – что лучше: истина или сострадание? Что нужнее?» [2, с. 28]. В пьесе идет спор о правде, о человеке, о различных путях к человеческому счастью.

Крапивин по-своему подходит к решению этих проблем. Он вступает в полемику с Горьким, который выступает против утешающей лжи. Крапивин определяет свою позицию иначе. Она во многом обусловлена тем, что речь идет о ребенке. Георгий Рогов в порыве сострадания к мальчику-сироте Наалю, выдает себя за его брата.

Назвавшись братом, Георгий не лукавит. В контексте повести (да и всего творчества Крапивина в целом) понятие «брат» выступает как христианское, тем более что и Снег был для Нааля лишь дальним родственником). Но имеет ли он право отнимать подвиг у Снега, а у себя имя – вот еще один источник внутреннего конфликта. Ведь, по Горькому, «без имени нет человека» [4, с. 55]. «Я не только отнял брата у мальчика. Я отнял подвиг у Александра. Ведь

никто не знает, как зажглось четвертое солнце» [5, с. 31], – говорит герой.

По своей композиции повесть Крапивина, как и многие ранние произведения Горького, содержит два элемента: романтический сюжет и его реалистические декорации. Фигура повествователя-рассказчика, вводимая автором, придает произведению достоверность факта. С этой же целью Крапивин вводит названия местности, имена писателей, бытовые реалии, детали, документализирующие повествование.

Фантастическое изображение будущего не отрывается от реальной действительности. Фантастика вырастает из живого опыта, опирается на существующее. Говоря о подвигах в жизни, Горький утверждал, что они важны не только сами по себе – их сила еще и в том, что они служат примером для других. Своей героической смертью Данко и Снег утверждают бессмертие подвига, силу человеческого духа.

Таким образом, рассуждая о современном состоянии человеческого духа, Крапивин широко использует философско-мировоззренческие установки Горького, не дублируя их, а создавая при этом свою собственную, отчасти полемичную по отношению к прототипу, идейно-философскую концепцию.

Список литературы

- 1.Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского . – 3-е изд. – М. : Художественная литература, 1972 . – 470 с.
- 2.Волков А.А. А.М. Горький. – М. : Просвещение, 1975. – 207 с.
- 3.Горький Максим. Собрание сочинений в 6 тт. – М. : ТЕРРА, 2007. - Т. 1. – 598 с.
- 4.Горький Максим. Собрание сочинений в 6 тт. – М. : ТЕРРА, 2007. - Т. 4. – 615 с.
- 5.Крапивин В.В. Собрание сочинений в 9 тт. – Екатеринбург : Издательство «91», 1992. - Т. 6-7. – 768 с.

Рецензенты:

Кондратьев Б.С., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой литературы АФ ННГУ, г.Арзамас.

Пяткин С.Н., д.фил.н., профессор, заместитель директора по учебной и научной работе АФ ННГУ, г. Арзамас.